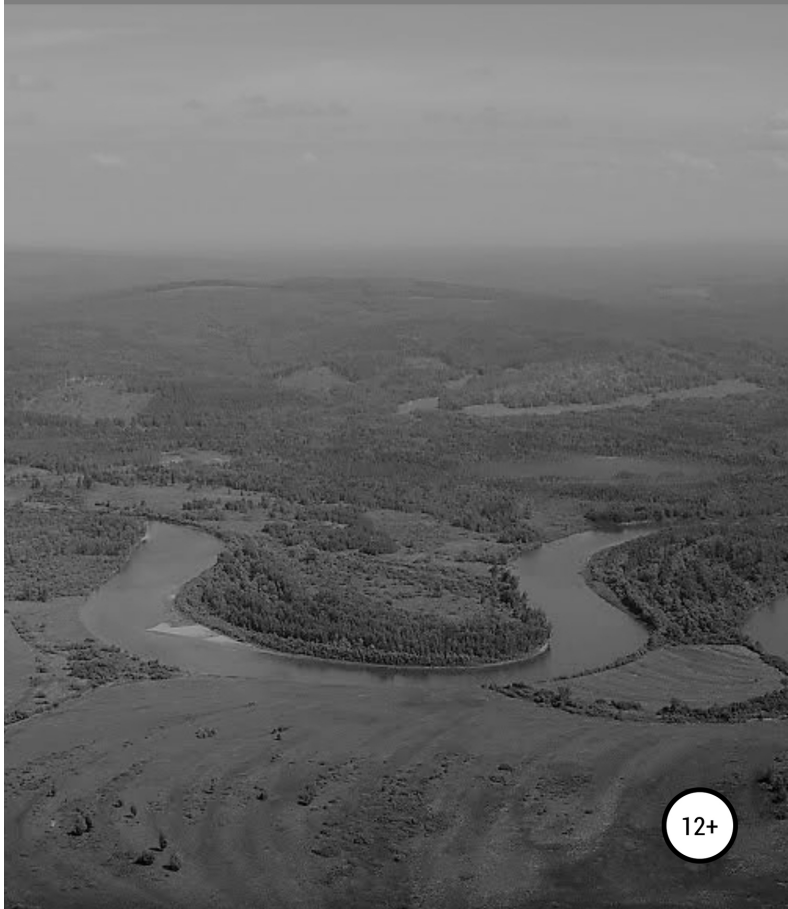

Евгений Гладких

Копия писем к дочери моего друга

12+

Евгений Гладких
Копия писем к
дочери моего друга

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=63082636

SelfPub; 2020

Аннотация

Копия писем к дочери моего друга, далекой молодости.
Строительство и падение коммуны.

Содержание

Тетрадь 1	5
Тетрадь 2	19
Конец ознакомительного фрагмента.	23

Евгений Гладких
Копия писем к
дочери моего друга

Наши родные живы, пока мы о них помним.

Тетрадь 1

Милая Верочка и твоя семья!

Приношу мое глубочайшее соболезнование в связи со смертью твоего отца, а моего лучшего друга в жизни, той поры далекой нашей молодости, которая нас связала в теснейшую дружбу с ним, за время работы совместно с ним в тридцатые годы в Сибири.

Хотелось бы положить цветы на его могилу, на этот святой холмик и склонить свою голову в величайшей скорби и мыслью о невозвратимом. Под этим холмиком покоится прах Человека с большой буквы, с добрым, щедрым сердцем. Но осуществить для меня это сейчас сложно. Слишком велико расстояние разделяет нас, нет здоровья и условий.

Не убивайся милая Верочка, для тебя это очень противопоказано с твоей болезнью. Для тебя он был и отец и мать. Он дорог был тебе в сердце с ним ты прожила до последнего его вдоха. Процесс этот Верочка необратим. Всех нас ждет такая-же участь и разница лишь в том , что один раньше, а другой позже.

Трудные у него были все годы работы в Сибири и последние в особенности , уже после смерти твоей матери.

Слов нет для тебя утрата тяжелейшая, но надо брать себя в руки , для успешной борьбы с твоим недугом.

Медицина на месте не стоит и для тебя, будем надеять-

ся, кое чего даст нового, полезного, в борьбе за здоровья . Я знал тебя здоровой, красивой девушкой, с добрым сердцем, а прошло немного времени и как все изменилось к худшему.

Со временем, Верочка острота потери будет проходить, сгладится горе, останется в сердце лишь навсегда постоянная тоска о невозвратимом .

Ты не одинока ,есть брат, сестры, муж, сын и это поможет тебе. Духом Верочка падать нельзя, это лучшее лекарство для тебя.

Ты просишь Верочка написать тебе об отце все что я знаю, за то время как уже сама все видела, осмысливала.

Ты говоришь , что он не делился с вами за свою жизнь и молодости и здесь уже в Сибири . Это его характер, который рядом уживался с его удивительной добротой, кристаллической честностью.

До того времени как мы с ним встретились и подружались, он воспитывался на Украине у бабушки. Связей каких-то с родителями я не знаю и не замечал.

Бабушка видно была незаурядного ума, коль воспитала таким гражданином, вложив в него и свою честность и доброту.. в отношении отца и матери у него по-видимому была своя тайна.

Но что-же Верочка, опишу тебе, что возвратит мне моя память о совместной работе и жизни с отцом, давно прошедших дней нашей с ним молодости.

Мне и самому будет приятно и грустно вспоминать , вос-

становливать в памяти события тех прошедших лет, длиной в 6 лет, проживших с ним рядом.

Но я буду писать не только об отце, и о себе. Наша совместная работа и жизнь была очень тесно связана между нами и отделить одно от другого нельзя ,да я считаю и не нужно.

Но это Верочка будет не письмо , а много писем, не на один конверт.

Вернее это будут мемуары за 6 лет прожитых в Сибири.

Пред история нашего знакомства и встречи и что этому предшествовало. Возможно кое чего я тебе не напишу, ибо есть моменты касающиеся лишь меня, но для себя я их вспомню.

С твоим отцом мы служили в Красной армии, в которую я пошел на год раньше. С 1928 по 1930 год. Служили мы в одной 2й Украинской дивизии. Но дивизия своими подразделениями была расквартирована по разным городам Украины. Я служил в Одессе, а отец в Харькове, который был тогда столицей Украины. На второй год службы нас усиленно стали агитировать , поехать после службы в Сибирь , для строительства с/х Коммун. В особенности это касалось красноармейцев , выходцев с сел. Наша дивизия в начале 29го года начала уже строить такую с/х Коммуну в Красноярском крае, Ачинский р-он , с. Белый Яр. Для ее выделили уже землю, изъятую у местных богачей с их избами и постройками, которые и были жильем для коммунаров. Село это стоит

на бывшем историческом Сибирском тракте, который пересекал этот огромный, мало обжитой край нашей родины, до самых восточных его границ Российской империи. До постройки транссибирской ж-дороги он был связующим звеном всей Сибири.

По тракту везли на лошадях всевозможные грузы в эту глубинку, посту. Скакали егеря загоняя лошадей. По тракту скакали тройки с бубенцами и важными седоками, сановниками для которых тройки давали вне всякой очереди. По тракту гнали в любую погоду, пеших закованных в кандалы уголовных преступников, также революционеров, борющихся за лучшее будущее трудового народа, осмелившихся

поднять голос протеста против самодержавия. Гнали их или на вечное поселение или на каторжные работы. Оттуда они уже и не возвращались, за исключением единиц. Погибали они от непосильного труда в шахтах и от тоски по родине. Немало без известных могил этих узников осталось по бокам этого тракта. И так до постройки ж-д, которая и тянется параллельно тракту.

В наши дни тракт благоустроен и по нему мчат автомобили, над ним летят самолеты. Агитация поехать в Сибирь с красноармейцами, проводилась упорно, ежедневно, с поощрением записавшихся и порицанием колебавшихся.

Слово Сибирь тогда еще пугало человека, своей суровой историей, неизвестностью и суровой действительностью. Сколько сложило голов лучших сынов родины, боровшихся против рабского бесправия в этом суровом крае, боровшихся за лучшее будущее своего народа. Об этом мы немного знали, а сколько их погибло, вряд ли знает и статистика. Эта история и нас отпугивала.

Согласившихся было немного. Мы тосковали по отчужденному дому и мечтали о скором конце службы. Но политруки сделали свое дело. Записывалось все больше в том числе и я. Записавшихся было две категории. Одна лишь бы отвязались, а другая заболела романтикой и собирались ехать в неизвестное с желанием. Во второй группе был и я.

Пошли мы в публичную библиотеку г. Одессы, чтобы прочитать географию тех мест, куда мы собрались ехать. С тру-

дом такое описание нам нашли и то после чего они узнали зачем нам это. В описании тех мест было все так красочно, заманчиво расписано. Все было в розовом цвете. Не было там написано о крепчайших морозах, о коротком лете, о тучах камора и мошек, которые залазят и в рот и уши, о неустроенности вообще края. В описании как бы там текли молочные реки с кисельными берегами. Но это подняло наш настрой, за поездку. Все населенные пункты там селились или вдоль тракта или ж-д. В этом мы убедились потом сами. И так до самого Владивостока. Такими методами постройки красноармейцами с/х коммун, пытались заселить этот мало обжитой и огромный край.

Для чего это было нужно. Во первых нам на востоке угрожала Япония, а во-вторых надо было использовать природные богатства для родины, а людей было мало. Нужен был приток людей для заполнения вакуума. Сейчас стимулирующим методом является увеличение з/п. Поощрение рублем. Тогда этих рублей еще в стране было мало и надеялись на патриотизм. Частично эти планы удались, но многие вкусив действительность, возвращались домой. На руках у него документы, что он демобилизован и удержать его могла лишь твоя совесть от дезертирства.

Отсев был приблизительно 60%, но которые остались, были настоящими патриотами и невзирая ни на какие трудности, самоотверженно трудились и не хныкали.

В те годы наша промышленность еще не полностью бы-

ла восстановлена после войны империалистической и войны гражданской, а нового еще не строилось, не было еще средств. Существовала еще безработица в рабочем классе. Была еще биржа труда где регистрировались безработные и где им давали работу. Другое дело село. Начался бурный процесс перестройки села на социалистической основе. Процесс строительства колхозов и коммун. Наши молодые силы лучше всего можно было применить в селе, и в особенности в Сибири, с её необъятными просторами и богатствами земли.

Нас демобилизовали на м-ц раньше срока и дали на 5 дней отпуск домой. Добирался я домой почти двое суток и обратно столько же. Дома я побыл одни сутки. Прибыло вовремя в часть нас лишь 6 человек. Остальные по-видимому не приехали совсем. На руках у каждого документы о демобилизации. Здесь командование допустили ошибку, полагаясь лишь на порядочность нас. Прождали два дня и решили нас отправлять. Часть снабдила нас на дорогу сухим пайком, двойным комплектом одежды, белья и на больших станциях мы получали горячее питание по линии комендатуры. Меня назначили старшим группы, вручив проездные документы и направлением в коммуну. Немного дали на дорогу денег. Было грустно расставаться с товарищами, со взводом, ротой с которой сдружились. Но пришло отправляться на поезд. Последнее напутствие командира и шагом марш. Это было в конце сентября 1930г. В Одессе было еще тепло, приветли-

во светило нам солнышко. Вокзал был недалеко от казарм и мы пошли пешком. Наш поезд уже стоял на перроне. В поезде уже был один вагон для демобилизованных красноармейцев. Но так как нас было всего 6 ч. Мы заняли весь вагон. Частных пассажиров к нам не садили. По-видимому он был забронирован нашей частью в надежде , что все поедут, которые записались. Поезд был составлен из вагонов старого образца и такой поезд в народе назывался « Максим Горький». Он двигался небыстро и подолгу простаивал на станциях, пропуская скорые.

В них ездили в основном мешочники, спекулянты и крестьяне провозившие с/х продукты на рынок. Вагоны переполнены. Подходит к нашему вагону молоденькая дама в шляпке с двумя корзинами в руках. Просит нашего разрешения проехать в нашем вагоне до г. Вознесенска « Новый Первомайск». В те вагоны она не могла залезть со своими корзинами. Я разрешил. Заходит проводник вагона. Это , что за женщина? Мы сказали , что это наша. Отдал он ключ от вагона нам и сказал , чтобы пускали только военных. Сам он проводник соседнего вагона.

Расположился я на нижнем сиденье, а дамочка напротив. Дело уже к вечеру. Мои товарищи забрались на нары подальше и расположились спать. Сказалась усталость от предотъездных волнений. Познакомились с дамочкой. Валентина недавно закончила учебное заведение и сейчас в школе учительница. Замужем за зав аптекой. Как то получилось , что

у нас тема разговора не иссякала. В армии я прочитал много книг, ходил в театры, кино. Шефы снабжали нас билетами. Словом свою культуру немного обогатил, поэтому мы с ней вели разговоры на равных. Она достала с корзины бутылку сухого вина и фрукты. Мы отметили наше знакомство. Задремал. Ночью вышел в тамбур, открыл окно вдыхая свежий воздух. Не заметил как она вышла следом за мной, подошла ко мне сзади, обняла и стала целовать. Я совсем растерялся. Но она меня успокоила и говорит: мы доедим до Вознесенску, где ее встретит мать и выйдем вдвоём с тобой. Я скажу, что это мой муж. Так она первая стала объясняться в любви ко мне. С мужем мол я потом рассчитаюсь. Все это было так неожиданно. До этого в разговоре не было ни слово сказано на эту тему. Понемногу я отошел от своего шока. События развивались стремительно, ибо у нас было мало уже времени. Договорились, что я приеду в коммуны, сдам документы, а сам обратно к Валентине. Сойти с ней я не могу. Воинской дисциплины, я не могу нарушить, ведь я старший команды. Мои ребята крепко спят, под стук колёс, а меня роман.

Нам осталось быть вместе очень мало времени, поезд приближался к Вознесенску. На вокзале я вынес её корзины и она докладывает матери, что это ее муж. Бедная старуха, она ее ударила как обухом по голове. Заохала, заплакала, запричитала. Но когда узнала, что я вернусь попозже, успокоилась. Подумав наверное, что время покажет, что будет дальше. Дочь по-видимому была любимая и наверно мать при-

выкла к причудам её . Паровоз дал гудок и я уехал с обещаниями. Писал ей несколько писем, получал от нее, но быстрое знакомство не дало глубоких корней в чувствах, в сердце. И связь с Валентиной вскоре прекратилась , не оставив глубокого следа в душе.

Поезд неумолимо уносил меня все дальше от Валентины, от отчего дама. По приезду в Харьков мы выгрузились и пошли в штаб нашей дивизии, где нас уже ждала группа красноармейцев, намного больше нашей, но все равно и у них большинство не приехало. В этой группе был и твой отец.

Погрузились мы опять в поезд все вместе в вагон для демобилизованных и не выгружались с него до самой станции Ачинск. Конца нашего путешествия. Получилось так , что в вагоне мы оказались рядом с твоим отцом и с этого момента был рядом все 6 лет.

На станцию Ачинск мы приехали где то в половине Октября. Здесь уже была зима, лежал глубокий снег.

За один перегон от ст Ачинск, в вагон наш сел коммунар наш « Один из первых приехавший сюда». Был он по поручениям в др р-не. Мы от него и получи первое интервью о нашем хозяйстве. Коммуна была недалеко от разъезда Белый Яр, нам еще ехать 12км дальше. Пассажирские поезда здесь не останавливались. Этот коммунар ,когда поезд шел на подъем в районе Белого Яра спрыгнул в снег, чтобы скорее сообщить в правление о высылке лошадей на станции Ачинск, для нас. Выпрыгнул он удачно, мы это видели с окна. Через пару часов за нами пришли лошади с санями. Лошади были хорошие и мы на Сибирских экипажах не успели замерзнуть в шинелях и санях.

Была уже глухая ночь. Столовая коммуны встретила нас

остывшими галушками. Но и впредь это меню было у нас преобладающим. Нас это не смущало. За время службы в армии мы отвыкли от домашних деликатесов. На аппетит ни кто не жаловался. Лишь бы чашка попопней. Нас разместили в избах зажиточных ,куда то высланных. Так мы оказались в одном доме с твоим отцом и еще двумя товарищами. Изба была большая, пустая, холодная. Взяли в хозяйстве железную печку, топчаны на складе, наволочки, матрасов и подушек. Пошли на конный двор, набили матрасы и подушки , овсяною соломой. Так у нас уже появились овсяные перины. Разыскали разбитый стол , сколотили его, а табуретки заменили пока не расколотые березовые поленья. Можно было уже организовывать застолье. Жилье есть, можно уже знакомиться с хозяйством. Познакомился с правлением с его хозяйством, людьми. Мы были второгодниками, а первые уже кое чего сделали. Провели первую посевную и в основном галушки уже были со своей пшеницы! Была небольшая свиноферма, несколько молочных коров. Много было лошадей. На них выполнялись все с/х работы, механизации еще никакой не было. К вечеру нам организовали баню с березовыми вениками. Это процедура с вениками была для нас впервые и она нам понравилась. Этих веников в каждом доме заготавливалось летом великое множество. В каждом дворе была своя баня. Народ , Русский, веселый, чистоплотный. В избах было всегда чисто, приветливо. В этом отношении Украина отставала . До армии например я ни разу не был а бане,

да её на все большое наше село и не было. На следующий день при знакомстве с нашим общепитом мы отведали уже горячих галушек. Молодые поварихи с интересом разглядывали нас с вновь прибывших и приглянувшегося в чашку подкладывали больше и погуще. С первых дней я заметил на себе это внимание, оно долго настойчиво продолжалось. Но взаимности от меня не последовало. Потом уже мне рассказывали, что чего только не подкладывали мне в чашку, для приворожения, но ничего не помогло этой даме-поварихе. К некоторым коммунаром уже приехали жены, старики. Была ухе и своя молодёжь, в том числе и мы.

Село Белый Яр, сравнительно большое, в три улицы и на площади посредине не большая церковь «ныне не работала». Но и как все села Сибири большие и малые, без зелени с добротными избами и такими же надворными постройками. Но вокруг села природа была изумительно красива. Рядом протекала сравнительно большая река Чулым, кругом села луг для скота, а дальше березовый, еловый, осиновый лес с подлеском со смородины, шиповника, черемухи.

Приступили мы к работе с хорошим настроением. Дали нам по две лошади с санями. Подвозили корм для скота, вывозили навоз, подвозили дрова для столовой, бани, правления, дет сада. Ремонтировали скотный двор, ездили на мельницу в Ачинск и др работы. Работы было много. Скоро нас человек 30 с лошадьми направили работать на Краснояреченский вин завод, который находился в 30 км от нас. Поеха-

ла и свой повар с продуктами. Коммуна по договору получала деньги с завода за нашу работу. Это была своего рода валюта так необходимая хозяйству, а мы денег не получали. Нас бесплатно кормили и давали крышу над головой. Завод находился за Чулымом в тайге, вдали от ж-д. К заводу был подведен канал откуда то из возвышенности и вода крутила механизмы завода, а береза давала тепло. Она росла здесь рядом.

Общежитие которое предоставил нам завод было тесновато и мы с отцом пошли искать квартиру в приазовском поселке. Коммуна за это платила хозяину.

Тетрадь 2

Все это в сапогах и шинелишках, при крепчайшем морозе.

Туда если ехали порожнем, ехали быстро и замерзнуть не успевали, а обратно всю дорогу трусой за подводой.

Коммуна ещё не могла нас одевать по Сибирски, она только становилась на ноги и могла заделывать самые необходимые дыры хозяйства. На счету у неё еще были только ноли, да кругленькая сумма задолженности.

В такие сильные морозы надо было следить за собственным носом. Они замерзали первыми, становились белыми, а

ты и не замечаешь, пока кто ни будь не укажет на беду. Тут надо быстрее растирать снегом, а останешься без этого органа. Поэтому мы и следили друг за другом. У лошадей забивались инеем ноздри и тоже надо было прочищать.

Один рейс я хорошо запомнил своей трудностью. Надо было ехать за 40 км в г. Боготол за пшеницей.

Естественно мы и туда часто бежали за санями, а обратно всю дорогу на ногах. Нас 5 человек и 10 саней. До этого мы ездили в Коммуну за продуктами и фуражом. Я там заменил захромавшую лошадь, на другую. Дали мне рослого, красивого вороного коня. Ничего не сказав мне о его характере. Обратно, когда ехали с грузом в одной из ложбин мой вороной не захотел везти на подъем, когда все без труда вывозили. Остановился и стоит. Хлестать кнутом опасно. порвет сбрую, ломает оглобли. Отец говорит: давайте мои не много отойдем, авось он не захочет оставаться один. Отъехали , а он стоит. Отец здесь проявил смекалку. Возвратились на моей первой подводе и положили этому упрямцу еще два мешка пшеницы, сняв с моей первой подводы. Взяли веревку завязали ему за шею, а другим концом за первые мои сани. Один стал погонять первую лошадь и та его потянула на буксире, а мы в четыре кнута давай на его нахлестывать с обоих боков. Даваться ему некуда и он вывез сани на два мешка даже больше. В отместку и я ещё подсаживался на его сани.

В завод приехали уже темно. Ссыпать зерно надо выезжать на эстакаду. Все вывезли, а он стоит. Но мы уже знали как его заставить, опять веревку на шею, а другой конец уже за пустые сани. Нахлестывали ему бока, аж мылом покрывся, но отучили. Если он свой характер опять показывал, то берешь только веревку в руки как он уже понимает, что его

ждёт и начинает работать . Я хотел уже его менять , но потом не стал, он был сильный, красивый..

После такой поездки туда и обратно бежишь за санями, развивались аппетиты у нас, повар только давай подливай несколько раз. В столовой наши аппетиты удовлетворялись в объеме, но не в калориях. Особенно любил покушать Яков теперь забыл уже его фамилию. Но у него и комплекция тяготела к полноте. Дома нас давно поджидала наша добрая т. Паша . была вода горячая, помыться, пыхтел на столе самовар. Мы валились уставшие, промерзшие на постель и мгновенно засыпали. Тетя Паша была наш будильник.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.